

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 8 (№), 2024

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Разное

Зимние записки о летних приключениях

ЛИСКОВ Арсений

ПетрГУ (Петрозаводск),
Liskov2000@bk.ru

Что я вам напишу? что расскажу нового,
ещё неизвестного, нерассказанного?

Ф. М.

Теперь все подлежит *критике*, даже сама *критика*.

Белинский

Школа литературной критики имени В. Я. Курбатова в уходящем году состоялась в четвёртый раз. Отбор участников, по сведениям организаторов, оказался особенно трудным – на конкурс поступило рекордное число работ – из полутора ста соискателей в Ясной Поляне встретились девятнадцать. Среди двух десятков счастливых – «пишущий эти строки». В начале лета, отправляя на суд экспертов свои записки о толстовском творчестве, толстовстве и русских символистах, я поощрял себя мыслью, что «попробовал», «попытался» («попытка, как известно, *не пытка*»), «экзаменовал» себя и...

...Дорогой из Карелии в главные собеседники я выбрал графа Льва Николаевича – путь длинный, света вдоволь (уже второй месяц, как потемнели ночи, но всё-таки лето!), первые страницы «Анны Карениной» промчались быстрее фирменного двухэтажного. Дальше – убранный в леса Ленинградский вокзал, метро, кондитерская, привычное место встречи семинаристов. Беглое знакомство, автобус, вечер, лампочки...

В Ясной Поляне я оказался впервые – и оттого вдвойне «жадно» впитывал окружающий мир: тишину и свежесть воздуха, широту и гостеприимную щедрость пространства; угадывал («вычувствовал») в редких дуновениях *гений места*. Отчего-то такой я воображал её, читая главы Болконского из романа Л.Н., похожей на Лысые горы.

Семинарские дни сменялись в мгновение ока – «уплотнённые», «летучие», увлекательные, неуловимые, ослепительно знойные... (Погода жаловала.) Словоохотливость оставила – всё больше слушал и «мотал на ус», прилежный ученик. Местная книжная лавка порадовала обилием редких и соблазнительных филологу томов, однако на вдумчивое чтение времени не находилось.

Оказавшись в семинаре литературоведа Дмитрия Бака, вместе с коллегами попытался выяснить, зачем Глеб Шульпяков, автор книги «Батюшков не болен», обратился к событиям двухсотлетней истории; почему его герой, вологодский затворник Константин Батюшков, не болен; чем сочинение поэта о поэте отличается от учёных жизнеописаний. (Некоторые итоги моих размышлений см. в настоящем номере.)

Разговор о Константине Николаевиче Батюшкове, быть может, самом таинственном поэте «золотого века», начался задолго до семинарского заседания – и вылился в беседу о судьбах классической русской поэзии – и о становлении поэзии новой.

Первый вопрос, заданный Дмитрием Петровичем участникам семинара, заставил призадуматься: *любимое* стихотворение К. Н.

...я помедлил и ответил: «Тень друга», «Умиравший Тасс» и (нечаянно для самого себя) «Вакханка». Песнь элегической скорби, величественный гимн неминуемой вечности («*Земное гибнет все... и слава, и венец... Но там все вечное, как вечен сам Творец...*») – и утверждение жизни в мимолётном восклицании «*Эвоэ!*» слились в моём образе поэта. Мой Батюшков весел и лёгок, жизнелюбив (в солдатской шинели, на костылях, и с щегольской буклей, каким запечатлел он себя в рисунке тушью) – и печален, поскольку сознаёт чутким

умом быстротечность и предельность жизни-загадки:

*Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом рождался человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.*

(1821)

Эти стихи на границе «страны теней» написал автор «Моих пенатов», сладкоречивый затейник, «русский Парни», создатель прелестной антологии «эллинской» и гораццианской лирики...

...Как поэт прожил большую половину жизни? О чём думал в минуты просветления памяти, если они случались, какие тени посещали его и чьи лица окружали в годы душевной «темноты»?.. Нам неизвестно – и тем охотнее воображение пускается в разгадывание этой тайны, умолчания, в котором «канонический» образ Батюшкова-эпикурейца, наследника анакреонтической традиции Державина и Дмитриева, отождествляется с образом автора поздних признаний:

*...Я просыпаюсь, чтобы заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.*

(1853)

Свой образ поэта как *многоликого единства, души, «очищающего себя до себя»*, предложил Дмитрий Петрович, обнаружив в оде Батюшкова «Бог» эхо ломоносовской торжественности и предвестие метафизики Баратынского:

*...Хочу постичь Тебя, хочу — не постигаю.
Хочу не знать Тебя, хочу — и обретаю.*

(1803)

Книга Глеба Шульпякова получила разнообразные оценки и несходные толкования.

Пожалуй, всех эффектнее к делу подошёл Сергей Лебедев, самый щедрый из моих собеседников, «бывалый» семинарист Школы, сочинил остроумный водевиль, первой строчкой пародирующий гоголевскую комедию: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие: Батюшков не болен...»

На этой весёлой ноте, сочувственной духу молодого Батюшкова и его насмешливого приятеля Вяземского, разговор о книге и её герое завершился.

Напутствуя молодых любителей поэзии, Дмитрий Петрович обратил нас к Лидии Яковлевне Гинзбург и её прекрасной книге «О лирике». В самом деле, труд Л. Я., вероятно, лучшее исследование истории русского поэтического искусства.

Помимо группы Д. П. Бака в Школе работали семинары А. Варламова, П. Басинского, В. Отрошенко. Авторским семинарам предшествовала программа выступлений и мастер-классов от ведущих экспертов российской литературно-критической культуры.

Вводная лекция Дмитрия Петровича, прочитанная в беседке, едва прикрывающей от необыкновенно щедрого солнца, познакомила слушателей с генезисом, эволюцией и судьбой литературно-критической мысли в царской, социалистической и послесоветской России.

Современные тенденции, тренды, «моды» в области литературно-критического творчества раскрывали практикующие критики: Наталья Ломыкина, радиоведущая, колумнистка издания Forbes, напомнила три главных вопроса, на которые должен ответить рецензирующий автор: о чём книга, что ты (как критик) думаешь о ней – и стоит ли её (нам) читать?

Иван Родионов, семинарист предыдущей Школы и мастер в нынешней, рассказал, куда молодому критику пойти, куда податься на поприще литературы, с чего начать и как утвердиться в профессии.

Состояние и перспективы книжного рынка в России и мире осветила в специальной лекции Татьяна Соловьёва, главный редактор издательства «Альпина. Проза», а литературные обозреватели Максим

Мамлыга и Евгения Власенко в авторских мастер-классах учили молодых критиков ориентироваться в медиасфере и осваивать новые форматы диалога с читателем.

Серьёзные разговоры о книгах естественно перетекали в застольные беседы и прения обо всём — от заграничных эскапад Эдуарда Лимонова и «маньяках» классической русской словесности до проблематики последнего романа Мишеля Уэльбэка и завидного или не очень жребия «толстых» литературных изданий в наш быстротекущий, порой слишком стремительный век, о литературном каноне и его состоянии в наши дни...

Один из множества дискуссионных вопросов: чем объяснима особенная востребованность исторической прозы? Турбулентностью, переходностью всемирной эпохи, когда ответы на животрепещущие мысли ищут, оглядываясь вспяť? Необходимостью осознать предпосылки современности — и предугадать, куда завтра обратится маховик времени?..

Кулуарные споры и толки начинались за утренней трапезой и продолжались далеко за полночь: за общим столом — писатели, поэты (авторы и герои!), критики «старой» и «новой» школы. Значим каждый голос и всякое мнение ценно, любой опыт уникален и тем интересен. Замечательные разнообразием тем, предметов, стилей и позиций, эти разговоры создавали атмосферу непрестанно работающего интеллектуального тигля, выплавляющего новую российскую книжность.

Подмосковные вечера с аккордеоном, гитарой, мгновенно созданным хором яснополянских гостей: Соловьёв-Седой, Пахмутова, Блантер, Мокроусов, Чайковский, Визбор, Цой, Окуджава; классика русской и советской песни, шлягеры, народные мотивы и старинные романсы — музыка, слово, мелодия роднила и трогала душу, августовская, как-то вдруг находящая ночь сближала в островке уютного света.

Видно, стараниями толстовского гения места в нашем установился дух подлинного «пантагрюэлизма» — мудрого, здорового, живого веселья, остроумной и озорной доброжелательности, того, что мы сегодня называем душевностью.

(Недаром за последним ужином в Ясной Поляне то и дело вспоминали Франсуа Рабле, гениального насмешника и грустного доктора, его великий роман и блестящую интерпретацию книги, поставленную на сцене К. Богомоловым.)

Заветная мысль Владимира Ильича Толстого сбылась: гости сплотились в по-толстовски большую и разнообразную семью. Трудноодолимая робость (и вместе странное, новое оцепенение души) понемногу отпускала — и вот уже сплетается мысль, «горит во взоре», завязывается и крепнет дружба, вызревает ответное слово, и радуется интерес в глазах собеседника, любопытство: «что за поэт Юрий Линник?..»

Приятным дополнением к программе основных семинарских занятий стало приглашение семинаристов к участию в Писательских встречах, проводимых музеем-усадьбой «Ясная Поляна»: беседы с авторами, чтения прозы и любопытных докладов под яснополянскими липами, в прохладе риги: что снилось Льву Толстому на тургеневском диване? Каких букашек любил и каких не жаловал автор «Воскресения»?.. Как дремал разум Достоевского и его героев? И почему современный прозаик охотно (или неохотно) ныряет в онейрическое пространство?

Среди гостей и лекторов — Леонид Абрамович Юзефович, будущий лауреат премии «Ясная Поляна» 2024 года за роман «Поход на Бар-Хото», Владимир Березин (автор романа «Уранотипия», 2024), Евгений Водолазкин, Наталья Илишкина («Улан Далай. Степная сага», 2023), Антон Секисов («Комната Вагинова», 2023), Светлана Павлова («Голод», 2024), Максим Замшев, Игорь Волгин и другие.

...Дубы, помнящие макушку самого Льва Николаевича, аккуратные флигельки, гурты, конюшни, лавочки в липовой сени — и, наконец, барский дом, приземистый и элегантный. Портреты толстовской фамилии, полки с тысячами переплётов: Генри Торо, Диккенс, Гончаров и Эмерсон. Диван, «принявший» в свете новорожденного Лёвушку, — и проходная комната, куда бесконечной вереницей стекался народ, чтобы поклониться гробу великого писателя. Вещи говорили — подхватывая живое слово Владимира Ильича, проводника и представителя в родовом гнезде своих предков.

В самом деле, душа русской литературы если где-то сосредоточена, то в этом благодатном месте. Пресытиться радушной сенью яснополянских аллей едва ли возможно. Разгуливая немногие свободные минуты, в день рождения яснополянского старца (по старому стилю) я посетил его могилу — укромный холм в усадебной роще, среди дубов, осин и лип, будто под сводами природного собора.

Задумавшись о чём-то важном, о чём обыкновенно мы размышляем, обозревая свою или чужую судьбу, опоздал к отправлению — и возвращался пешком, всё время схватывая эту нить.

...Простившись с Ясной Поляной, на пути в столицу, с молчаливого согласия моей компаньонки А., тоже заядлой читательницы, я возвратился к «Анне Карениной», к странице, заложенной почти неделю назад, в

электричке Московского метрополитена. При всей симпатии к Левину, мысль отрешалась от его перипетий и рефлексий – и опрометью бросалась назад, к ослепительно лучистому пруду, «прешпекту» князя Николая Волконского и огромной беседке с длинным столом – туда, к пережитому, к тому, что всегда со мной. Условившись о «молчании», мы, два книголюба, проговорили пять часов – и нам этого было мало.